

ской любви, подчинившейся идее долга, и высокого нравственного служения.

Русские паломники, посещавшие Византию в XIV в., проявляют самое пристальное внимание к этой царьградской святыне. Здесь нельзя не вспомнить красочный рассказ Стефана Новгородца, подробно описавшего икону «Одигитрии», написанную, по преданию, Лукою. И как наиболее действенное свидетельство особого почитания этого образа является заказ Дионисия Суздальского в Царьграде двух икон «Одигитрии» «в ту же меру и в должину и в ширину» — для Нижнего Новгорода и для города Суздаля. Можно в связи с этим предположить, что внимание Дионисия Суздальского к Новгороду и его приезд в 1382 г. не прошли бесследно для данного края. Вполне возможно, что сам акт явления образа «Одигитрии» в Обонежской пятине связан именно с этим. Епископ Дионисий прибыл в Новгород «от преосвященного патриарха Нила вселенского с благословением и с грамотами»,³ предполагая остаться при архиепископе Алексее Новгородском.⁴ Известно также по Никоновской летописи, что епископом Дионисием были привезены на Русь «кресты и иконы чудны зело с мощми».⁵ Поскольку в Древний Летописец, составляющий часть Патриаршей летописи, входит материал XV в., можно предположить, что именно в такой общей форме сохранялись сведения о Тихвинской иконе на протяжении всего XV в., не получая особого развития. И только с началом деятельности архиепископа Серапиона Новгородского, с 1506 г., они начинают приобретать иное значение.

Едва ли икона Богоматери Тихвинской была бы так возвеличена, если бы не активная роль в утверждении ее культа Серапиона Новгородского. Непосредственное участие Серапиона в закладке первой каменной церкви на Тихвине,⁶ его внимание к культу Богоматери вообще и стремление украсить иконами новгородские церкви,⁷ а также историческая широта «Сказаний о Тихвинской иконе», которые появляются в это время, позволяют видеть в лице Серапиона деятеля, способствовавшего проявлению интереса к местным, новгородским святыням. Таким образом, предположение Ф. И. Буслаева находит все более историческое подтверждение и обоснование.⁸ Здесь также хочется напомнить, что в Троице-Сергиевском монастыре, где Серапион был игуменом до 1506 г., находился список сказания XIV в. о Лидской богородице, культ которой на Руси был впоследствии вытеснен культом Тихвинской иконы, а день почитания Лидской богородицы (26 июня) совпал с днем празднования Тихвинской Одигитрии.⁹ По всей вероятности, Серапионом Новгородским было учтено это сказание при разработке культа Тихвинской иконы. То, что жило в устных рассказах, преданиях, те сведения, которые сохранили летописи, — все обрело теперь законченность и вышло в своей ориентации далеко за пределы этого края.

Период с 1506 по 1509 г. — это время утверждения культа Тихвинской Одигитрии, которая именно с этого времени и стала называться Тихвинской. То, что культ Тихвинской богородицы начинает утверждаться только в начале XVI в., подтверждается также и изобразительным материалом.

³ ПСРА, т. XI- XII, стр. 70.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 71.

⁶ ПСРА, т. IV, ч. 1, вып. III, Л., 1929, стр. 612.

⁷ ПСРА, т. III, СПб., 1841, стр. 244—245.

⁸ Ф. И. Буслаев. Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. II, СПб., 1861, стр. 276—277.

⁹ С. Кулаковский. Состав сказания о чудесах иконы богородицы «Римляныни». — Сборник в честь А. И. Соболевского, Л., 1928, стр. 470.